

В. Г. Белинский

Журнальная заметка (2)

Виссарион Григорьевич Белинский

Журнальная заметка (2)

«...Г-н Булгарин сердится на нас за то, что мы Пушкина называем великим поэтом: что делать? – это наше мнение, которое мы имеем полное право выговаривать, и еще тем смелее, что оно утверждено целым народом. Еще раз просим извинения у г. Булгарина в нашей слабости любить и дорожить дарованиями, делающими честь нашему отечеству. Пушкин великий поэт, и поэт русский, русский и по душе и по крови. Мы, впрочем, понимаем, как трудно сойтись нам с г. Булгариным во мнении о Пушкине...»

Содержание

#1	0005
Примечания	0020

Виссарион Григорьевич Белинский

Журнальная заметка

КОРОБКИН (продолжая читать). «Какой-то судья Ляпкин-Тяпки, ужасный мове тон»... (останавливается). Должно быть, французское слово.

АММОС ФЕДОРОВИЧ. А черт его знает, что оно значит. Еще хорошо, если только мошенник, а может быть и того еще хуже.

«Ревизор». Комедия Гоголя

В нашей литературе, именно журнальной, и особенно петербургской, так много удивительного для нас, москвичей, что мы уже потеряли способность удивляться. Например, там есть престранный обычай: разбранят московский журнал или московского литератора да и заключат желанием, чтобы московская журналистика и московские литераторы оставили дурную привычку браниться... Это очень мило – не правда ли?

В 140 № «Северной пчелы» напечатана шумливая выходка против «Наблюдателя»{1}. Она подписана буквами Ф. Б., этими буквами, которые так неожиданно слетели с «Сына отечества» вместе с «Северным архивом»{2}. Поэтому имя Фаддея Венедиктовича, знаменитого автора «Выжигиных»{3}, нас очень удивило, снова появившись в «Северной пчеле». Но ничему не должно удивляться:

*Чудес на сей земле рассеяно без
счета,
Да не везде их всякий примечал{4}.*

Главная нападка устремлена на «Наблюдателя» за употребление новых и непонятных

для г. Булгарина слов, каковы: *конечность, призрачность, действительность, просветление, субъективность, объективность*. Г-н Булгарин сперва заметил мимоходом, и очень остроумно, что при «Наблюдателе» апрельские моды приложены к мартовской книжке, а мартовская книжка вышла в мае; но так как обвинение и остроты по этому поводу стали уж слишком однообразны и стары, то мы и не возражаем на них, отдавая, впрочем, полную справедливость остроумию автора такого множества юмористических статей и сатирических романов. Итак, г. Булгарин не понимает слов: *прекраснодушие, субъективность, объективность, конечность, призрачность, просветление, действительность* и пр. Что он их не понимает – в этом мы ему охотно верим: но чем же мы виноваты, что он не понимает? Есть люди, которые находят для себя непонятными даже «Московские ведомости», самый доступный журнал{5}, а те, которые никогда не учились читать, не понимают ничего писаного и печатного, но они, вероятно, винят в этом не писаное и печатное, а самих себя; если же они поступают наоборот, то кла-

дут на себя желтый шар в лузу, говоря биллиардным выражением одного известного литератора{6}. Г-н Булгарин не понимает, что такое *внутреннее распадение* и *внутренняя разорванность*, и мы нисколько не удивляемся, что он не понимает этого. Слово есть выражение, выговаривание чего-нибудь существующего, как явление, и чтобы выговорить или назвать явление, надо иметь это явление в созерцании, чувственном или внутреннем, духовном. У кого есть во лбу два здоровые глаза, тот легко может созерцать явления, подлежащие чувственному созерцанию; чтобы созерцать явления духа, для этого надо иметь дух, богатый явлениями. Мы не раз уже повторяли, что сознавать можно только существующее и что существующее для одного есть часто призрак для другого. Отчего поэтов любят и непоэты, отчего одного поэта любит целый народ, а иногда и целое человечество? Оттого, что в духе такого поэта происходят *все* явления, которые *порознь* происходят в каждом из членов народа и человечества. Жизнь духа есть бесконечная лестница, и каждый человек стоит на известной ступеньке этой вели-

кой лестницы. *Распадение* и *разорванность* есть момент духа человеческого, но отнюдь не каждого человека. Так точно и *просветление*: оно есть удел очень немногих, и даже в самых этих немногих является в бесконечно различных степенях. Царство духа подлежит тем же законам, как и царство природы: и в нем есть и растения, и полипы, и инфузории, и, наконец, минералы.

Чтобы понять значение слов *распадение*, *разорванность*, *просветление* надо или пройти через эти моменты духа, или иметь в созерцании их возможность. Кто же не проходил через них и не имеет в созерцании их возможности, тому нет никакой возможности растолковать их.

Что такое *конечный рассудок*? – спрашивает г. Булгарин, показавши сперва, что он понимает немецкую философию и глубоко уважает ее. Что такое *конечный рассудок*, спрашивает он – и решает этот вопрос новым вопросом: «Не тот ли, что комар вынес на *кончике* своего носа, как говорится в солдатских поговорках?» Вы угадали, Фаддей Венедиктович, – именно тот самый. Всем известно, что

наши храбрые солдаты *тоже* понимают немецкую философию и глубоко уважают ее.

Г-н Булгарин очень вежливо, совершенно европейски называет нас *шарлатанами*, которые коверкают чужие мысли, чтоб прослыть учеными[1]. На это мы ничего не возражаем: это не наш язык. Если бы г. Булгарин настоятельно потребовал от нас объяснения на этот счет, то мы выставили бы, за себя, на диспут с ним, таких людей, которые не принадлежат к литературному миру, точно так же, как слова г. Булгарина не принадлежат к литературному языку.

Домашние наши новомыслители, которых деятельность начинается с покойной «Мнемозины» и продолжается сквозь ряд покойных журналов в нынешнем «Московском наблюдателе», беспрестанно придумывают новые слова и выражения, чтоб выразить то, чего они сами не понимают{7}. Сперва они выезжали на чужеземных выражениях: абсолюте, субъективе (?) и объективе и пр. Теперь они прибавили к чужеземщине множество русских слов, дав простому их значению таинствен-

ный смысл. *Любимые их слова теперь: конечность, призрачность, просветление, действительность; но настоящий фаворит – призрачность.*

Так говорит г. Булгарин. Что все это остроумно и вежливо – в этом нет сомнения: г. Булгарин давно уже приобрел себе громкую известность остроумием и вежливостью своих журнальных статей; это было замечено еще г. Косичкиным по поводу одного петербургского литератора, у которого мизинец заключал в себе больше ума, нежели головы всех московских литераторов{8}. Что же касается до того, что г. Булгарин называет наш журнал продолжением «Мнемозины», то мы принимаем это обвинение за комплимент и чувствительно благодарим за него, если только г. Булгарин смотрит на «Мнемозину» как на такой журнал, предметом которого было – искусство и знание{9}. Что касается до субъектива и объектива – то на этот раз г. Булгарин сам увлекся страстию нововведения и выдумал два таких слова, которых в русской литературе никогда не было. Чтобы не повторять одного и того же, скажем однажды навсегда,

что употребление новых слов без расчетливой осторожности точно может повредить их успеху, и мы решились употреблять их не иначе, как с объяснением, и – пока они не утвердились – как можно меньше. Но беда не велика, если вначале было поступлено не так: все ложные, то есть ненужные, слова уничтожатся сами собою, а удачно составленные и придуманные удержатся, несмотря на все остроумие ожесточенных гонителей всего нового, оригинального, всего выходящего из рутины посредственности, всего носящего на себе характер самобытности и силы. Когда М. Г. Павлов, начавший свое литературное поприще в «Мнемозине» и первый заговоривший в ней о *мысли* и *логике*^{10} – предметах, о которых до «Мнемозины» русские журналы не говорили ни слова, – когда М. Г. Павлов начал употреблять слово *проявление*, то это слово сделалось предметом общих насмешек, так что антагонисты почтенного профессора называли его, в насмешку, «господином, который употребляет слово «проявление»», а теперь всем кажется, что будто это слово всегда существовало в русском языке.

Г-н Булгарин сердится на нас за то, что мы Пушкина называем *великим* поэтом: что делать? – это *наше* мнение, которое мы имеем полное право выговаривать, и еще тем смелее, что оно утверждено целым народом. Еще раз просим извинения у г. Булгарина в нашей слабости любить и дорожить дарованиями, делающими честь *нашему* отечеству. Пушкин великий поэт, и поэт русский, русский и по душе и по крови. Мы, впрочем, понимаем, как трудно сойтись нам с г. Булгариным во мнении о Пушкине, который, без сомнения, и по очень понятной причине, имеет для нас несравненно высшее значение, нежели Мицкевич{11}.

Г-н Булгарин сердится на нас еще за то, что мы первым русским прозаиком почитаем г. Гоголя;{12} этого мало – мы почитаем его еще и *великим поэтом*. Конечно, это не может быть приятно г. Булгарину; но это не одному ему неприятно: за это на нас многие негодуют. Посредственность – везде посредственность!

В нашем журнале про Пушкина было сказано, что в «Сказке о рыбаке и рыбке» он воз-

высился до совершенной *объективности*, а г. Булгарин говорит, будто мы сказали, что он возвысился тут до совершенной *субъективности*. Мы слишком далеки от мысли, чтобы г. Булгарин с умыслу заменил слово *объективность* словом *субъективность*. Нет! тысячу раз нет! Он сделал это совершенно добросовестно: в отношении к этим словам он поступает точно так же, как наш добрый простой народ в отношении к европейцам: будь италиянец, будь англичанин, будь испанец, а у него всё немец! Уверяем г. Булгарина, что мы нисколько не сердимся на него за это: добродушное незнание *достолюбезно*, но ничуть не обидно. Но вот против чего мы не можем не возразить: г. Булгарину показалось, будто мы под *субъективностью* разумеем *грубость*, *нехудожественную естественность* или попросту *мужиковатость*, и что будто бы, по нашему мнению, этими достоинствами отличается «Сказка о рыбаке и рыбке» Пушкина. И это г. Булгарин вывел из того, что мы игру г. Ленского в роли Хлестакова находим субъективной и потому отличающеюся нехудожественною естественностью и грубостью. Что-

бы вывести Булгарина из заблуждения, поспешим растолковать ему, что значит субъективность. Субъект есть мыслящее существо (человек); объект – мыслимый предмет. Чтобы мышление было верно, надобно, чтобы понятие субъекта об объекте было тождественно с объектом. Истинному познанию предметов нам часто мешает наша субъективность, вследствие которой мы, вместо того чтобы определить то значение, которое именно выражает предмет нашего суждения, придаем ему наше значение и тем из предмета делаем призрак, то есть совсем не то, что он есть в самом деле, а то, чем он нам кажется. Сквозь зеленые очки все предметы кажутся зелеными. У души человека есть свои очки, которые снимают с нее знание и разумный опыт жизни. Объясним это примером. Христианские народы отличаются терпимостью всех религий, магометане ненавидят и преследуют все, что не магометанство. В первом случае видно умение перенестись в чуждую сферу и понять чуждое себе явление – это объективность; во втором случае видна чистая субъективность. Но вот пример еще ближе к

делу. Шиллер был субъективен в своих первых произведениях: он изображал в них людей не такими, каковы они суть и какими, следовательно, должны быть, но такими, какими они ему представлялись или какими он хотел, чтоб они были. Но субъективность отнюдь не есть мужиковатость, хотя и может быть мужиковатостию по свойству субъекта: это мы сейчас докажем. Шиллер велик в самой своей субъективности, потому что его субъективность есть субъективность гения. Он создал себе идеал человека и осуществил его в маркизе Позе{13}. Теперь, в противоположность Шиллеру, возьмем вас, почтеннейший Фаддей Венедиктович: в бесподобном романе своем «Иване Выжигине» вы изобразили Вороватиных и Ножатиных, истинных негодяев и извергов, но вы их и называете негодьями и извергами – это *объективное* изображение. Но вы же в своем Иване Выжигине были творцом чисто субъективным, потому что силились выразить в нем ваш идеал человека. Конечно, ваш Выжигин – человек очень добрый и почтенный, но далеко не идеал человека.

Потом г. Булгарин грозно обвиняет нас в несправедливом отзыве о петербургских артистах – гг. Каратыгине и Сосницком. Не хотим повторять без нужды уже сказанного нами об этих артистах, а скажем только, что на этот раз г. Булгарин вполне нас понял и вполне развил мысль, слегка нами высказанную. Нам остается только благодарить его за это {14}.

Что Скриб выше Гюго и Ламартина – это наша мысль, и мы снова повторяем ее; но Ламартина, вместе с Шатобрианом, мы относим к школе идеальных, а не неистовых поэтов юной Франции: к неистовым принадлежат Гюго, Дюма, Бальзак и пр. {15}

Г-н Булгарин обвиняет нас за помещение повести «Одни сутки из жизни старого холостяка» {16}. Повесть ему не нравится, а нам очень нравится, без чего мы, разумеется, и не поместили бы ее. О вкусах спорить трудно, особенно там, где вкусы диаметрально противоположны. Нам самим не нравится многое, что восхищает г. Булгарина, и мы очень понимаем возможность ошибки с нашей стороны. Не все обладают критическим талантом г. Ко-

сичкина, который умел помирить двух врагов и соперников, отдавши каждому должное – у одного похваливши элемент философский, а у другого поэтический{17}.

Как милости, просим у «Московского наблюдателя» порицать и объявлять дурным, негодным все, что мы ни напишем, и за это обещаем примерную благодарность. Если б нас похвалили в «Московском наблюдателе», тогда мы сокрушили бы перо свое и, произнося с сокрушенным сердцем: «теа сипра, теа сипра, теа тахита сипра»[2] (латинское выражение – по-французски оно значит pardon, по-польски radam do nog, а по-русски – вперед не буду), навеки бы замолчали{18}.

У страха глаза велики – говорит русская пословица. Нет, г. Булгарин, не бойтесь и пишете на здоровье: даем вам слово не бранить ничего, что вы напишете. И зачем это и к чему это! Всякий писатель оканчивает свое поприще тем, что его перестают наконец бранить, потому что все убеждаются, что или он точно велик, или лучше не будет и писать не перестанет. Что же до того, чтобы хвалить

вас... если только вы сдержите ваше обещание... нам так хотелось бы оказать русской литературе такую великую услугу... оболение велико – но – пишите, пишите, г. Булгарин, а у нас нет сил на такой подвиг!..

После этого милости просим верить журнальным суждениям, объявлениям и декламациям! После этого просим гневаться на публику за то, что она не поддерживала и не поддерживает журналов, издававшихся и издающихся в духе «Московского наблюдателя».

На это мы заметим только то, что «Сын отечества» издавался совсем не в духе «Московского наблюдателя», а между тем публика так слабо поддерживала его, что нужен был московский литератор, чтобы спасти этот журнал от смерти, и еще нужно было из двух журналов сделать один и исключить имя одного из двух редакторов{19}.

В заключение, просим всех любителей русской словесности читать «Московский наблюдатель», потому что это лучшее средство для оценки литера-

торов, принадлежащих к двум литературным мнениям.

Странное заключение! Как противоречит оно духу и содержанию всей статьи!

Примечания

Впервые – «Московский наблюдатель», 1838, ч. XVII, май, кн. 1, «Смесь», с. 144–156 (ц. р. 11 июня; вып. в свет 27 июля). Подпись: Московский наблюдатель. В оглавлении журнала подзаголовком: «Ответ г-ну Фаддею Булгарину». Вошло в КСсБ, ч. II, с. 461–470.

«Журнальная заметка» произвела сильное впечатление на современников. И. И. Панаев писал Белинскому из Петербурга 11 октября 1838 года: «Отповедь ваша Фаддею – усладительна, эпиграф бесподобен» («Белинский и корреспонденты», с. 199). Эпиграф взят из «Ревизора» Гоголя (д. V, явл. 8).

Сноски

1

В другом месте своей статьи г. Булгарин, выписав из «Наблюдателя» фразу{20}, говорит: «Ей-богу, это субъективная и объективная галиматья, отрицательный абсолют = 0». Не правда ли, что это образец журнальной и литературной вежливости!

[^^^]

2

«МОЯ ВИНА, МОЯ ВИНА, МОЯ БОЛЬШАЯ ВИНА»
(лат.). – Ред.

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Фельетон Ф. Булгарина «Журналистика» в «Северной пчеле» (1838, № 140, 23 июня, с. 557–559) представлял собой резкую критику, граничащую с доносом, первого номера реорганизованного «Московского наблюдателя» и был направлен в основном против предисловия М. А. Бакунина к «Гимназическим речам» Гегеля и четырех рецензий Белинского: «Литературная хроника», «Г-н Каратыгин на московской сцене в роли Гамлета», «Г-н Сосницкий на московской сцене в роли городничего», на комедию-водевиль Н. Соколова «Невеста под замком».

[^^^]

Журнал «Сын отечества» в 1812–1824 гг. издавался и редактировался Гречем, с 1825 г. – Булгариным и Гречем. Булгарин в 1822–1828 гг. издавал и редактировал журнал «Северный архив». В 1829 г. оба журнала объединяются – начинает выходить «Сын отечества и Северный архив» под общей редакцией Греча и Булгарина. В 1837 г. Булгарин и Греч передали издание журнала А. Ф. Смирдину, оставляя за собой редакторские функции (Греч – редактор, Булгарин – его помощник). Смирдин, надеясь оживить журнал, осенью 1837 г. в качестве неофициального редактора (точнее, редактора литературно-критических отделов) приглашает Н. А. Полевого. В марте – апреле 1838 г. журнал сохраняет прежнее наименование и редакторами названы Н. Греч и Ф. Булгарин. С мая журнал начал выходить под названием «Сын отечества» и на титуле значилось: «Редактор – Греч». Полевой продолжал оставаться неофициальным редактором «Сына отечества» до 1840 г.

Газету «Северная пчела» Булгарин и Греч

редактировали совместно с 1831 г.; первые полтора месяца 1838 г. редактором литературной части газеты был Н. А. Полевой.

[^^^]

3

Имеются в виду романы: «Иван Выжигин» (СПб., 1829) и «Петр Иванович Выжигин» (СПб., 1831).

[^^^]

4

Неточная цитата из басни Крылова «Лжец».

[^^^]

5

Именованние «журналом» всех видов периодических изданий (в том числе и газет) обычно для того времени.

[^^^]

6

Этим выражением воспользовался Булгарин в статье «Исторические пояснения на замечания Н. А. Полевого о соч. Ф. Булгарина «Россия»: «...вашиими выходками против меня выкладете на себя желтый шар в лузу (см. правила бильярдной игры) и доставляете мне случай выиграть партию» («Библиотека для чтения», 1838, т. XXVIII, приложение к № 6, с. 8).

[^^^]

7

Курсив Белинского.

[^^^]

8

Белинский напоминает памфлет Пушкина (опубликованный под псевдонимом «Феофилакт Косичкин») «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем».

[^^^]

«Мнемозина» — московский альманах В. К. Кюхельбекера и В. Ф. Одоевского; вышло четыре книжки: три в 1824 г. и одна в 1825 г. Будучи изданием декабристской ориентации, «Мнемозина» сыграла большую роль в утверждении нового направления литературы — романтизма. Белинский хорошо знал содержание «Мнемозины», ее борьбу с изданиями Булгарина, высоко ценил роль этого «журнала-альманаха» в развитии русской философской и эстетической мысли, научной терминологии.

[^^^]

10

Мысли и логике большое внимание уделено, в частности, в статье М. Г. Павлова «О способах исследования природы» («Мнемозина», ч. IV. М., 1825, с. 1–41), в которой автор доказывал преимущества «умозрительного» научно-философского метода исследования перед «эмпирическим».

[^^^]

11

Булгарин возмущался тем, что «Московский наблюдатель» пишет о Пушкине, «прилагая каждый раз при его имени прозвание *великого*». Отвечая Булгарину (и упоминая Мицкевича), Белинский намекает на нерусское (точнее, польское) происхождение своего злобно-го противника.

[^^^]

12

Булгарин писал: «А кто у нас в России первый прозаик? Отгадайте! По мнению «Московского наблюдателя» – это Гоголь!!!» Булгарин имел в виду высказывание о Гоголе Белинского в «Литературной хронике» (см. наст. т., с. 268–269, 274).

[^^^]

13

Маркиз Поза – герой трилогии Шиллера «Дон Карлос».

[^^^]

14

Излагая мнения Белинского о Каратыгине в заметке «Г-н Каратыгин на московской сцене в роли Гамлета» и о Сосницком в заметке «Г-н Сосницкий на московской сцене в роли городничего», Булгарин еще более заострил отрицательное суждение Белинского о петербургских артистах, что вполне устраивало Белинского.

[^^^]

15

В рецензии на комедию-водевиль Н. Соколова «Невеста под замком» Белинский писал: «...Беранже и Скриб, в наших глазах, выше Гюго, Ламартина и всей компании неистовых и идеальных гениев, известных под фирмою *la jeune France*» (Белинский, АН СССР, т. II, с. 362).

Это высказывание Белинского Булгарин также представил неверно: не соглашаясь с Белинским, что «Скриб *выше* Виктора Гюго и

Ламартина», Булгарин одновременно приписал ему заявление, что «Ламартин принадлежит к *неистовой* школе во Франции». Свое понимание двух школ во французской поэзии 1830-х гг. – идеальной и «неистойой» – Белинский подробно изложил в рецензии на «Краткую историю Франции до Французской революции...» (см. наст. т., с. 337–341).

[^^^]

16

Повесть П. Н. Кудрявцева; была напечатана в «Московском наблюдателе», 1838, ч. XVI, март, кн. 1 за подписью: А. Н.

[^^^]

Белинский напоминает о памфлете Пушкина «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов». Здесь под видом «ученого» рассуждения добродушного, не искушенного в литературе Феофилакта Косичкина Пушкин дает убийственную по своей иронии сравнительную характеристику романов (и вообще литературной деятельности) Булгарина и третьесортного московского сочинителя А. А. Орлова. Сопоставив «сии два блистательных солнца нашей словесности», Косичкин заключил: «Фаддей Венедиктович более философ; Александр Анфимович более поэт».

[^^^]

18

Курсивы принадлежат Белинскому.

[^^^]

19

См. выше, прим. 2.

[^^^]

20

Булгарин выписал фразу из рецензии Белинского «Г-н Сосницкий на московской сцене в роли городничего».

[^^^]

[^^^]